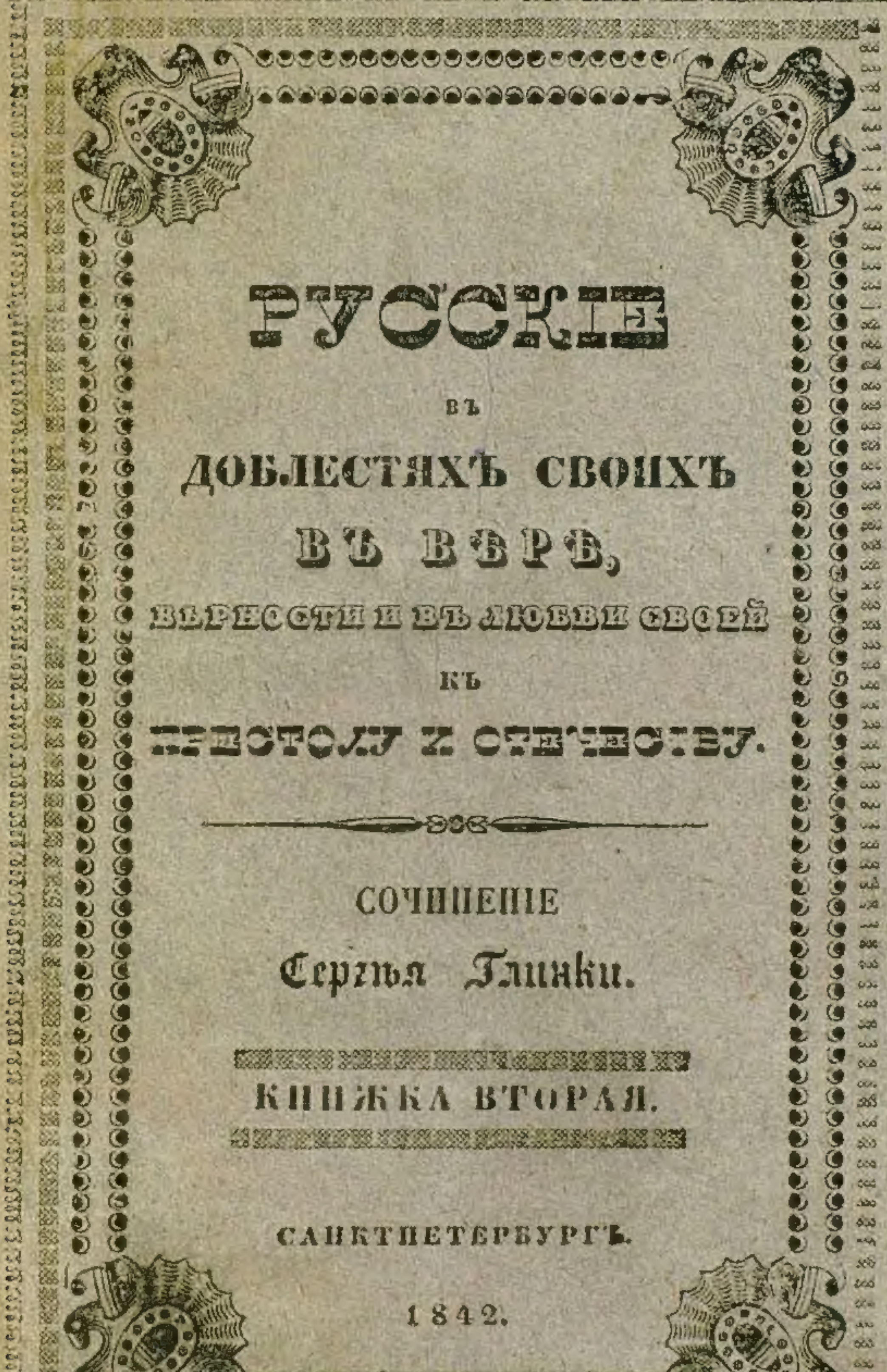

РУССКІЕ

въ

ДОБЛЕСТЯХЪ СВОИХЪ ВЪ ВѢРѢ,

ВѢРНОСТИ И ВЪ ЛЮБВИ СВОЕЙ

КЪ

ПРЕСТОЛУ И ОТЕЧЕСТВУ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Глинки.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

РУССКІЕ

ВЪ

ДОБЛЕСТЯХЪ СВОИХЪ

ВЪ ВѢРѢ,

ВѢРНОСТИ И ВЪ ЛЮБВИ СВОЕЙ

КЪ

ПРЕСТОЛУ И ОТЕЧЕСТВУ.

Исчислите у насъ героевъ
От земледѣльца — до Царя,
И у святаго алтаря.»

Ломоносовъ.

Русскимъ людямъ долгое житье; а родимой сторонѣ долѣ того. —

(*Рус. старинный привѣтъ.*)

Сочиненіе Сергѣя Глинки.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Санктпетербургъ.
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Іюня 20-го дня. 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Печатано въ Типографіи А. Сычева.

ЛЮДЯМЪ РУССКИМЪ.

«Что бы правда была на Руси краше солнца свѣтла!»

(Изъ Русской пѣсни.)

За широкимиль морями
За высокимиль горами —
Только счастію пріютъ?
Солнце и у насъ сіяетъ
И у насъ луга цвѣтутъ;
Счастіемъ Богъ надѣляетъ
За сердечную любовь.
Нѣтъ ее—и все постыло;
Ясно солнышко не мило,
Не мила краса луговъ.
Толи дѣло жить душевно;
Людямъ всѣмъ добра желать;
Къ бѣдняку спѣшить вседневно—
Горьки слезы отирать?
На землѣ мы—на постоѣ;
Часъ ударитъ: *все прости!*
Еслижъ совѣсть не въ покоѣ,
Трудно къ праотцамъ итти!
Жилъ ли въ свѣтлыхъ кто палатахъ;
Иль въ укромныхъ, мирныхъ хатахъ;
Пышныель пиры давалъ;

Жилъ ли кто великъ иль малъ?
Будетъ всѣмъ одна дорога
До могилы и до Бога.
Съ чѣмъ же къ Богу мы пойдемъ;
Что возмемъ за гробъ съ собою?
И съ казною золотою
Тамъ спасенья не найдемъ,
Правда — всѣхъ сокровищъ краше;
Все, что здѣсь, — на время наше;
Ктожъ ко всѣмъ любовью жилъ:
Въ небо путь тотъ проложилъ.
На исходѣ дней и жизни,
До другой для насъ отчизны,
Въ мысляхъ сладостно питать,
Сердцу весело сказать:
«Люди Русскіе! живите
Много, много красныхъ лѣтъ!
И въ умѣ своемъ храните: —
Гдѣ любовь, тамъ и совѣтъ.

14 Іюня 1842 года.

I.

«ГОСУДАРЬ ВЪ МОСКВѢ! ГОСУДАРЬ ВЪ КРЕМЛѢ!»

ПОВѢСТКА

1812 года іюля 12.

I.

Небеса повѣдуютъ славу Божію.

(*Давидъ.*)

Въ великой 1812 годъ не перо человѣческое, само небо писало судьбу нашествія и жребій Россіи. Судьбу нашествія высказывало Оно голосомъ громовъ и блистаніемъ молніи. Жребій Россіи выставляло сіяніемъ солнца лучезарнаго. Это исторія; и исторія, ознаменованная печатью неба. «Едва, говоритъ французскій историкъ большой арміи *Наполеона:* едва переступили мы черезъ Нѣманъ, день затмился; порывистый вихрь нагналъ на мрачный небосклонъ раскаты ужасныхъ громовъ. Съ неба грознаго слетали облака огненныя, какъ будто усиливаясь заградить намъ путь. И самыя сердца безтрепетныя невольно содрогнулись.

Вотъ, что встрѣтило нашествіе въ первой половинѣ Іюня 1812 года.

А какое солнце блистало на небосклонѣ Москвы тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года, въ день свиданія Царя Русскаго съ народомъ Московскимъ! И какой былъ этотъ день! То былъ праздникъ любви сердечной; любви къ Царю и къ краю родному.

Праздникъ безсмертный и незабвенный для тѣхъ, кто его видѣлъ.

Съ мельканіемъ первыхъ лучей зари утренней, проснулась Москва и все проснулось въ Москвѣ. Радостная вѣсть: *Государь въ Москвѣ! Государь въ Кремлѣ!* облетала и палаты бояръ и князей, гдѣ еще гостила привольная роскошь; и убогіе пріюты, откуда наканунѣ бѣдняки Московскіе, сложивъ съ плечъ нищенскія котомки, спѣшили вмѣстѣ съ сонмами гражданъ и жителями Московскими на встрѣчу Государя. Но вчера, Іюля одиннадцатаго, не судилъ Богъ видѣть Царя ни князьямъ, ни боярамъ, ни гражданамъ, ни убогой братіи. Вчера Царь небесный подъ завѣсою ночи подвелъ Царя земнаго въ окрестностяхъ Москвы, подъ святое знаменіе любви божественной.

II.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

1812 года Іюля 12.

ВЫХОДЪ ГОСУДАРЯ

ИЗЪ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТЫ.

«Надѣясь Твоего прихода,
Какое множество народа
Тебѣ во срѣтенье течетъ!
Встаютъ верьхи рифейски выше,
Течетъ Нева, Днѣпръ, Волга тише,
Желая твой увидѣть свѣтъ.»

(Ломоносовъ.)

II.

События исчезают; холодная длань смерти смыкает глаза, видѣвшие былое; преданія угасають, подобно пламени, отданному на волю вѣтра: кто же проникнетъ тайну вѣковъ?

Тотъ, кто изъ ничего вывелъ то ясное солнце, которое сіяло надъ Москвою и разливало яркій блескъ свой надъ Кремлемъ тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года Іюля двѣнадцатаго? Тотъ кто изъ тысяча шесть сотъ двѣнадцатаго года вывелъ нашъ *двѣнадцатый* годъ, тотъ Богъ помогъ сердцамъ Русскимъ сберечь завѣтную любовь къ краю родному.

И любовь родная движетъ сердца и вмѣстѣ съ ними, какъ будто движетъ всю первопрестольную столицу на Красную площадь, къ чертогамъ Кремлевскимъ, гдѣ былъ Государь.

Что еслибъ въ этотъ день, по какому нибудь чуду, раздвинулось все то, что отъ вождя двадцати народовъ отдѣляло Москву и Красную площадь; что увидѣлъ бы онъ?

Вотъ какое зрѣлище предстало бы взорамъ его.

Быстрѣе лучей солнечныхъ, разлетавшихся по главамъ церквей Московскихъ, тысячи сонмовъ народа часъ отъ часу болѣе стекались въ Кремль и на Красную площадь. Не осталось на ней ни однаго ступня пустаго: все было занято. Зрѣлище единственное! Люди престарѣлые шли, опираясь на костыли или поддерживаемые юными внуками; матери спѣшили съ грудными младенцами и безбоязненно тѣснились между народомъ. Опустѣли домы; Москва переселилась въ Кремль. Всѣ взоры, всѣ сердца устремлены были къ Царскимъ чертогамъ. Всѣ души были на нетерпѣливой стражѣ того мгновенія, когда выйдетъ Государь.

И вышелъ Царь Русскій изъ палатъ праотцевъ своихъ; вышелъ,—и, какъ Ангелъ Божій явился на Красномъ крыльцѣ. Слы-

ну и теперь, какой раздался торжественный звонъ и на колокольнѣ Ивана Великаго и по всѣмъ церквамъ Москвы исполинской! А съ этимъ невыразимымъ звономъ, какъ будто вызывавшимъ небо на землю, сливались восклицанія безчисленныхъ сонмовъ народа: *Ангелъ нашъ! Царь-Государь! Отецъ нашъ! веди насъ куда хочешь! Пойдемъ; всѣ пойдемъ! Умремъ или побѣдимъ!»*

И съ этими душевными восклицаніями смѣшивались и слезы и рыданія; не отъ страха, не отъ боязни, но отъ глубокой сердечной жалости по сторонѣ родной; но отъ живаго чувства любви къ Царю-Отцу.

Съ открытою головою, съ очами, сіявшими любовью къ народу, Государь нѣсколько мгновеній стоялъ на Красномъ крыльцѣ. Безмятежно, свѣтло было прекрасное Его лице, какъ ясное солнце, блиставшее на голубомъ Московскомъ небосклонѣ. Въ душѣ Его раздавался голосъ любви народной, въ сердечныхъ откликахъ выражавшейся передъ лицемъ соборовъ

священныхъ. Здѣсь, въ этотъ день, въ этотъ часъ, Москва, затѣснившаяся въ стѣны Кремля, жизнію своей ручалась за жизнь земли Русской и сдержала слово свое и предъ лицемъ Отечества и предъ лицемъ вселенной.

Этотъ день и этотъ часъ, Русскій поэтъ нашъ Василій Андреевичъ Жуковскій перелилъ въ душевные стихи свои.

Вотъ они:

«Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за Царя на жертву жизнь принесть.
Отъ подданныхъ Царю колѣнопреклоненье!
Но дань свободная, дань сердца, уваженье
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.»

Это живая лѣтопись двѣнадцатаго Іюля 1812 года. Дань чистая, дань святой любви приносилась первому сыну Россіи; этотъ день былъ подлиннымъ, имяниннымъ днемъ Александра Перваго. За него и какъ за человѣка, горячо любимаго сердцами и какъ за Царя, не усумнившагося въ сынахъ Россіи; за него и для него по мановенію длани его готово было

возстать и летѣть все отечество, туда, гдѣ кипѣла война упорная.

Не умолкалъ звонъ колокольный; не умолкали и единодушныя восклицанія: *Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! веди насъ куда хочешь! всѣ пойдемъ!*

III.

ПЕРЕХОДЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО

СЪ

КРАСНАГО КРЫЛЬЦА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ.

XXI.

По слову завѣтному:
«Солнце выходитъ изъ лона небеснаго,
какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего.»

Такъ вышелъ изъ чертога своего Царь Русскій и такъ переходилъ Онъ съ Краснаго Крыльца въ стѣны собора *Успенскаго*, передъ лицемъ олтарей Господнихъ обручиться и вѣнчаться съ Россіей любовью великаго нашего *двѣнадцатаго* года. Обхваченный со всѣхъ сторонъ сонмами народа, Государь останавливался на каждой ступени. Одни хватались за мундиръ и цѣловали съ жаркимъ, торопливымъ усердіемъ; другіе упадали къ стопамъ Его и всѣ восклицали: *Ангелъ нашъ! Отецъ нашъ! да сохранитъ тебя Господь.* Ближайшіе Государевы сановники пытались отклонять народъ, часъ отъ часу болѣе затѣснявшійся на крыльцо. А Государь съ благосклонною улыбкою говорилъ: «не троньте! не троньте! они не безпокоютъ; они не тѣснятъ меня. Пройду!

И Онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ къ нему усердіемъ.

И вслѣдъ за Нимъ неслись восклицанія: *Ангелъ нашъ! Отецъ нашъ!*

Удивительное, восхитительное зрѣлище представляло шествіе Государя къ *Успенскому* собору. Иванъ великій, какъ будто облекся сонмами народа; Красная площадь кипѣла народомъ; кровли всѣхъ зданій Кремлевскихъ усѣяны были жителями Московскими различныхъ сословій. Съ открытыми головами, съ воздѣтыми къ небу руками, съ молитвою въ душѣ и съ сердцами, летящими къ Царю, соединяли они клики свои съ восклицаніями народа, занимавшаго и Иванъ великій и Красную площадь и все пространство къ собору.

Слезы умиленія блистали въ очахъ Государя. Привѣтливо раскланивался Онъ во всѣ стороны и въ тоже время благодарный взоръ его устремлялся на небо, одушевившее народъ Русскій живымъ чувствомъ нераздѣльной любви.

IV.

12 Іюля 1812 года

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ МОЛЕБСТВІЕ

въ

УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ

ПО СЛУЧАЮ ЗАКЛЮЧЕНІЯ МИРА СЪ ПОРТОЮ ОТОМАНСКОЮ.

IV.

Воскликни Богу вся земля! Воспойте славу имени Его, воздайте Ему хвалу и славу.... Онъ даровалъ душѣ нашей жизнь, и не далъ поколебаться ногѣ нашей.

(Книга хваленій или Псалтырь. Псаломъ 65.)

Далъ Богъ въ годину грозную новую жизнь душамъ людей Русскихъ. Укрѣпилъ Богъ воиновъ Русскихъ на нашей землѣ родной, когда уже громы нашествія неслись и къ берегамъ *Двины* и къ берегамъ *Днѣпра.*

И въ то же время воспѣли хвалу Богу, при бурѣ военной, даровавшему Россіи миръ съ Турціей. Такъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія все соединялось въ событія необычайныя. Тогда, каждый изъ насъ, современниковъ 1812 года, вознесясь душою къ небу, съ умиленіемъ говорилъ:

«Слава тебѣ, Христе Сыне Божій, яко таковая творши чудеса!» Люди Русскіе! сыны усердные матери Россіи! мы старожилы передаемъ вамъ всѣ мысли, всѣ движенія нашихъ сердецъ; передавайте и вы все это дѣтямъ вашимъ. Мы слышали 1812 года Іюля 12 то, что тогдашній Преосвященный *Августинъ* Викарій Московскій, вѣщалъ Царю Русскому; прислушайтесь и вы къ голосу его.

Вотъ его слова.

«Тамъ, Государь! тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ, ты мещешь перуны на дерзкаго врага; здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ Тебѣ и отечеству; тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе Россіи.»

V.

ВЫХОДЪ ГОСУДАРЯ

изъ

Успенскаго Собора.

V.

Не убоюся: зане слава моя и похвала моя Господь.

(Исаія. Глава 12.)

Съ звономъ колокольнымъ сливались новыя восклицанія безчисленныхъ сонмовъ народа; изъ устъ въ уста перелетали вѣсти: «Царь-отецъ за всю нашу землю Русскую, за всѣхъ насъ молился съ колѣнопреклоненіемъ, со слезами! Онъ посѣтилъ гробницы праотцевъ своихъ. Богъ услышитъ его молитву; не погибнетъ земля Русская!»

Никогда, со времени избранія на престолъ юнаго Царя Михаила Феодоровича; никогда первопрестольная столица не видѣла такого торжественнаго зрѣлища, какое Богъ представилъ людямъ Русскимъ 1812 года. Можно сказать, что и ни въ какой вѣкъ не видала этаго земля Русская. При избраніи на царство Михаила Феодорови-

ча Романова, сына великаго Патріарха *Филарета*, въ отечествѣ нашемъ смолкло уже оружіе сопротивниковъ; 1613 года съ новымъ Царемъ, говоря словами предковъ нашихъ: «сочетался вдовствовавшій престолъ Царства Русскаго.» Но 1812 года кипѣли битвы и шло великое дѣло о томъ: «устоитъ ли одинъ народъ Русскій, противъ силы двадцати народовъ?» Правда и то, что торжество любви и до изгнанія нашествія рѣшило этотъ вопросъ самоотверженіемъ: а за это-то самоотверженіе и Богъ укрѣпилъ и подвигъ души Русскія на всѣ опасности и на радостную смерть за жизнь отечества.

VI.

ОБѢДЪ ГОСУДАРЯ

ВЪ

КРЕМЛЕВСКОМЪ ДВОРЦѢ.

VI.

Любовь — кольцо, а у кольца нѣтъ конца.

(Русская пословица.)

Обѣдъ Русскаго Царя, Іюля двѣнадцатаго въ нашъ двѣнадцатый годъ, былъ общимъ пиромъ жителей Московскихъ, а въ лицѣ ихъ и всего народа Русскаго. Въ этотъ душевный день, какъ будто нестало старинной поговорки: *ты пировалъ, а я горевалъ*. Все пировало; и нищій, снявъ съ плечь суму свою, очами и сердцемъ присутствовалъ на обѣдѣ царскомъ и веселился общею *хлѣбъ — солью.* Всѣ окна въ обѣденной палатѣ были открыты и у каждаго окна тѣснились и смѣнялись сонмы народа. Повсюду раздавались слова: «ты братецъ счастливъ; ты наглядѣлся на Царя — Государя, на Отца нашего, дай

же и мнѣ наглядѣться.» Умилительнымъ веселіемъ сіяло и лице Государя; до слуха его долетали сердечные отклики любви Русской. Въ тоже время одинъ изъ старожиловъ Московскихъ, сказалъ Государю: «Ваше Величество! въ одной только Москвѣ можно насладиться такимъ сближеніемъ народа съ Государемъ; добрые Русскіе Цари такъ строили свои палаты, чтобы они могли всѣхъ видѣть, и чтобы и люди Русскіе ихъ видѣли и приближались къ нимъ, какъ дѣти къ отцамъ.»

VII.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ

И

ОПОЛЧЕНІЯ

ІЮЛЯ ПЯТНАДЦАГО 1812 ГОДА.

VII.

Живый самому себѣ единому и всѣхъ презирай — неключимъ есть, и ниже человѣкъ, ниже изъ нашего рода.

(Іоаннъ Златоустъ.)

Никто въ нашъ двѣнадцатый годъ Іюля пятнадцатаго, никто не вышелъ изъ родной семьи людей Русскихъ; никто не хотѣлъ жить для себя, мимо края роднаго, всѣ были правдивыми сынами земли Русской, отдавая все ей и за нее.

Часовъ въ одиннадцать Императоръ Александръ Первый прибылъ въ *Слободской* дворецъ въ засѣданіе гражданъ Московскихъ. Началось молебствіе. И какое? за жизнь отечества. Предъ образомъ Христа Спасителя усердные граждане Русскіе, жильцы Московскіе, преклонили колѣна

и душою вмѣстѣ съ Царемъ Русскимъ возносились выше земли, къ престолу Бога любви и милосердія.

Едва кончилось молебствіе; едва изъ устъ Царевыхъ излетѣло слово: «о нуждахъ отечества;» едва въ очахъ Его блеснули слезы, градскій Голова и всѣ граждане единодушно воскликнули: «мы всѣ Государь! мы всѣ, нашъ Царь-Отецъ! готовы Тебѣ жертвовать и имуществомъ и жизнію нашею!»

И граждане Московскіе сдержали свое слово; они явились истинными потомками и соревнователями *Космы Минина*, названнаго ихъ праотцами: «человѣкомъ, избраннымъ всею землею Русскою.» Когда Москва пала въ пеплъ пожарный за Россію и отечество, тогда *Наполеонъ* въ объявленіи своемъ повѣстилъ цѣлой Европѣ что: «Русскіе граждане все бросили и никто изъ Русскихъ не торговалъ.»

Смѣло и съ поднятою головою, граждане Московскіе могутъ подходить къ памятнику Минина и Пожарскаго; они не постыдили земли Русской.

Слѣды слезъ сверкали еще въ очахъ Государя при вступленіи Его въ засѣданіе дворянское. И здѣсь раздался тотъ же голосъ: «жертвуемъ имуществомъ и жизнію.»

Не подъ сводомъ зданія дворца Слободскаго, подъ сводомъ неба, Іюля двѣнадцатаго, передъ лицемъ древнихъ, священныхъ соборовъ, Москва, перешедшая на Красную площадь и въ Кремль, ручалась за Россію, что она все отдастъ «Царю и отечеству.» Такъ и было.

VIII.

РАЗСКАЗЪ РАТНИКА

МОСКОВСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Заговоритъ сердце, не уймешь его.
(Русская поговорка).

Была у насъ рѣчь Русская, старинная: «что *было,* то *былью* поросло; а что будетъ, то будетъ не *постарому,* а *поновому.*»

Не то было въ нашъ двѣнадцатый годъ. *Былое* предковъ нашихъ не поросло и двухъ-вѣковою *былью;* а что у насъ было, то было *постараму* а не *поновому.*

Чудное дѣло! и похвалиться нечѣмъ; и говоря другимъ стариннымъ словомъ: «нельзя себя и приголубить рѣчью лебединою.» Мы всѣ люди Русскіе въ годину нашествія, какъ будто изъ нашего вѣка перешагнули за два вѣка и не постарѣвъ

ни однимъ годомъ, жили и ходили по колеямъ двухъ столѣтій.»

Чудное дѣло! И похвалиться не чѣмъ. Крѣпко стояли предки наши за свою землю Русскую; стояли, какъ: «одинъ человѣкъ.» Такимъ же дружнымъ порывомъ и мы отстаивали свой край родной. Не жалѣли они ни имущества, ни жизни; и мы все свое обрекали въ жертву отечеству и престолу. Въ одномъ только мы были счастливѣе ихъ; у нихъ, въ ихъ *двѣнадцатый* годъ не было Царя-Отца; а въ нашъ такой же годъ, на святое дѣло обороны земли Русской, велъ души и сердца нашъ Царь-Отецъ Александръ Павловичъ.

Какое бы сердце не встрепенулось въ груди по призыву отеческаго Его слова? тогда бы то сердце, было сердцемъ не Русскимъ. Тогда бы на того налетѣла укора праотцевъ: «да будетъ тебѣ стыдно!» кто хотя бы на волосъ отшатнулся отъ общаго дѣла.» И были всѣ за всѣхъ. А гдѣ другъ о другѣ, тамъ и Богъ обо всѣхъ.»

Не чѣмъ похвалиться: всѣ жертвы Богу и Царю.

Но пока живемъ на бѣломъ свѣтѣ, тогда до тихаго пріюта въ матери сырой землѣ, не заростетъ забвеньемъ ни въ мысли, ни въ душѣ то былое, которое лелѣяло сердце и породнилось съ душою памятью неразрывною.

И по этой то памяти родной разскажу, какъ по слову Царскому и по Божіему изволенію, довелось мнѣ быть первымъ Московскимъ ратникомъ въ нашей доброй матушкѣ Москвѣ, въ нашъ великій годъ двѣнадцатый.

Въ шумный нашъ годъ я жилъ въ переулкѣ, близъ Москвы рѣки, называемомъ *Тишиною.* Яркое солнце свѣтило на небосклонѣ Московскомъ со дня самаго нашествія. Говорятъ, что съ полками нашими, бывшими съ *Суворовымъ* въ Италіи 1799 года, перешли туда и ранніе холода Русскіе. Но вслѣдъ за сынами Запада и очаровательныхъ странъ Италіи, Испаніи и Южной Франціи, переселился къ намъ и ихъ ясный небосклонъ. Какъ бы то ни было: но громы, молніи и дожди проливные, встрѣтили только *Наполеона* на Нѣ-

манѣ; а у насъ въ Москвѣ казалось, что-громы воздушные уступили мѣсто свое громамъ земнымъ; перунамъ ратнымъ. Правда, бушевала и въ стѣнахъ ея порывистая буря вихрей; валила заборы; срывала кровли съ домовъ и съ колоколенъ листы желѣзные. Но быстро налетала эта буря и быстро стихала. А солнце снова лелѣяло Московское небо. Между тѣмъ туча роковая все подходила ближе и ближе. Вотъ почему, вставая съ раннею, утреннею зарею, принимался я за работу моего *Русскаго Вѣстника*, не только къ сроку, но и на будущіе мѣсяцы, чтобъ, онъ не попалъ въ плѣнъ нашествія: отъ чего Богъ его и избавилъ. Я успѣлъ до взятія Москвы выдать книжки и за Сентябрь и за Октябрь.

Между тѣмъ въ три часа утра, Іюля одиннадцаго, хозяйка того дома, гдѣ я жилъ съ громкимъ воплемъ вбѣжала ко мнѣ и заливаясь слезами, вскричала: С. Н.! все пропало! мы погибли!» и дрожащею рукою подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ

Москвѣ отъ 6 Іюля 1812 года изъ *Полоцка,* извѣщавшее объ общей опасности отечества и о составленіи ополченій.» Прочитавъ спокойно, я сказалъ: «чего вы, сударыня, такъ перепугались? Благодарите Бога и Государя. Осторожность дѣло святое. Что бы вы предприняли, еслибъ провѣдали, что на вашъ домъ ночью нападутъ *недобрые люди?* Вы конечно приняли бъ свои мѣры и просилибъ охраненія у начальства. А къ намъ вошли люди другаго рода. Они идутъ явно; летятъ орлами; наступаютъ грудью. Должно и намъ дѣйствовать и не дремать. Въ общей бѣдѣ некуда спрятаться. Благодарите Бога и Царя за то, что намъ даютъ время оправиться; а если, дастъ Богъ, то и управиться съ грозною силою. Ступайте къ себѣ; и съ усердною душою у образовъ Господнихъ помолитесь за добраго Государя, заботящагося о спасеніи всѣхъ и каждаго.»

Одѣвшись наскоро и нанявъ дрожки, я полетѣлъ въ *Сокольники* на дачу къ графу Ѳ. В. Растопчину, тогдашнему

Московскому Градоначальнику. Въ домѣ его все уже было въ движеніи. Прошу писмоводителя его Ар. Пав. Рунича, доложить, что я пріѣхалъ записаться въ Ратники и принесть трудовое пожертвованіе на алтарь Отечества.» Услыша отъ Аркадія Павловича, что графъ по причинѣ находившихся у него на совѣщаніи Преосвященнаго *Августина* и Петра Степановича *Валуева*, никого не принимаетъ; я взялъ перо и написалъ:» хотя я не урожденецъ Московскій, но гдѣ кого застала бѣда отечества, тотъ тамъ и долженъ поступить подъ хоругви священныя. Обрекая себя въ Московскіе ратники, я отъ трудовъ моихъ приношу на алтарь Отечества на триста рублей серебра.»

Ѣду къ себѣ. И какъ весело за городомъ блеснуло въ глазахъ моихъ утреннее солнце! Мнѣ казалось, что съ груди моей спало какое то тяжелое бремя, лежавшее на ней отъ 1808 до 1812 года. Что грозитъ издали, то томитъ; а когда надо дѣйствовать, тогда и душа пріосамится.

И все пріосамилось; все закипѣло въ

Москвѣ при вѣсти, что будетъ Государь. А вѣсть объ общей опасности отечества, какъ будто была дѣломъ посторониимъ. Не было ни тревоги, ни смущенія; любовь заполонила всѣ сердца.

Часа въ три по полудни въ слѣдъ за безчисленными сонмами народа, спѣшившими къ заставѣ и за заставу на встрѣчу Государю, спѣшилъ и я прислушиваться къ откликамъ духа народнаго, чтобы написать о томъ статью въ *Русскомъ вѣстникѣ*.

Упомянуто было въ первой книжкѣ о порывѣ народнаго духа на горѣ *Поклонной.* (*) Прибавлю только здѣсь, что вождемъ своимъ для встрѣчи Государя, всѣ сонмы народа, сидѣвшіе въ рощѣ, избрали меня. Но порывъ любви былъ собственнымъ стремленіемъ ихъ сердецъ; душа моя только соединилась съ ихъ восторгомъ и шла на ряду съ ихъ душами. Я не былъ даже впереди; я сталъ въ ряды народа.

Въ давнишнюю старину говорили, что: «въ одинъ день двухъ радостей небываетъ.»

(*) Смотр. первую книжку.

А мнѣ въ одинъ день встрѣтились *три* радости; первому удалось мнѣ записаться въ ратники Московскаго ополченія, первому удалось принесть жертву на олтарь отечества и первому посчастливилось видѣть порывъ духа народнаго.

Не хвалюсь этимъ. Въ великіе дни неисповѣдимыхъ событій нѣтъ ничего *личнаго*, а все *общее*; тутъ во всемъ дѣйствіе промысла Вышняго. Хвала Богу, подавшему Царю мысль вызвать народъ Русскій на святую борьбу за край родной! Хвала Богу, внушившему Царю мысль открыть пути къ пожертвованію имуществъ! Хвала Богу во вѣки вѣковъ! Въ грозную годину нашествія, Онъ укрѣпилъ, усилилъ и возвеличилъ духъ народа Русскаго! . . . .

Хвала Богу за все!

И все двигалось Его святою волею! И солнце сіяло, какъ будто свѣтлѣе; и на всѣхъ лицахъ блистала надежда спасенія; и всѣ сердца летѣли къ Царю и послѣдамъ Его. И такъ дошла Москва до пятнадцатаго Іюля, о чемъ выше была рѣчь;

до того дня, когда всѣ люди Русскіе въ жертву престолу и отечеству обрекли и жизнь и достояніе свое. (*) И при этомъ торжествѣ самоотверженія, будто мимо меня самаго, высказалось изъ души моей громкое слово: «Москва будетъ сдана, но мы не должны устрашаться. Уступленіе Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы. И дай Богъ, чтобъ слова мои сбылись!»

Ужасною вѣстію показались слова мои. Иные думали, что на меня грянетъ громъ и что не миновать мнѣ какого нибудь дальняго пути. Но при спокойной совѣсти, у меня и сердце было спокойно. Мои слова были просто отголоскомъ моего *Русскаго вѣстника*, на который еще 1808 года жаловался посолъ *Наполеона* Императору Александру. Но я не былъ удаленъ отъ труда моего и свободною рѣчью продолжалъ говорить съ людьми Русскими о доблестяхъ предковъ и о томъ, что намъ для матушки земли Русской, подъ

(*) Выше статья VII.

щитомъ Божіимъ, надобно будетъ готовиться на крѣпкую стражу и на ревностные подвиги за отечество. И теперь благодарю въ Бозѣ опочившаго Государя за то, что Онъ не преграждалъ путей стремленія души моей на пользу людей Русскихъ. Онъ далъ *Русскому вѣстнику* возможность быть живою вѣстію нашего двѣнадцатаго года.

И такъ чего было мнѣ трусить? я и не трусилъ. Правда сама себя отстаиваетъ. У насъ же и въ пѣсни говорятъ.

«Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла.»

Отъ 15, до утра Іюля 19, туманно у меня было въ семействѣ; за то какъ разгулялось все у меня 19 Іюля. Не будь горя на землѣ; не былобъ и радости. Во всѣ три дня не забѣгалъ я ни куда съ разспросами о себѣ; молился Богу, гулялъ за городомъ и бесѣдовалъ съ добрыми людьми Русскими.

И вотъ, Іюля девятнадцатаго, часовъ въ одиннадцать, возвращаюсь съ прогулки до-

мой; встрѣчаю жену мою въ горькихъ слезахъ и слышу отъ нее, что за мною присланъ отъ градоначальника вѣстовой. Помолясь Богу, я тотчасъ поспѣшилъ къ графу Растопчину. Едва я вошелъ къ нему, онъ поспѣшилъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями и сказалъ что: «Государь развязываетъ мнѣ языкъ на все полезное для отечества; предоставляетъ въ распоряженіе мое триста тысячь рублей; возлагаетъ на меня особенныя порученія и награждаетъ четвертой степени крестомъ Св. Владиміра: *за любовь мою къ отечеству, доказанную моими дѣяніями и сочиненіями.*

Тутъ могъ я молвить словомъ завѣтнымъ: «Богъ сотворилъ этотъ день!»

Скажу истину: не почесть меня радовала, меня одушевила радостію великая, святая довѣренность Царя Россіи. При грозномъ нашествіи двадцати народовъ и Русскіе воины, говорили: «первая почесть, первая награда въ войну отечественную та, чтобы отстаивать отечество и отдавать ему жизнь.»

Возложенныя на меня особенныя поручения, еще более сблизили меня съ народомъ и на улицахъ и на площадяхъ Московскихъ и въ окрестностяхъ и вездѣ, гдѣ встрѣчался съ людьми Рускими. Насмотрѣлся я и налюбовался на полетъ духа Русскаго! Слышалъ душевныя молитвы за Царя; видѣлъ рвеніе народа на оборону края роднаго.

Между тѣмъ происходилъ пріемъ ратниковъ. Что это были за праздничные дни разгула жаркаго задушевнаго усердія! Сами матери, сами отцы приводили сыновъ своихъ. А вотъ что было Іюля 28. Какъ будто и теперь все это вижу! и не удивительно. Я тридцать лѣтъ живу отшельникомъ.

За тѣмъ живѣе у меня память о быломъ.

Крестьянинъ *Никифоровъ*, поселянинъ подмосковнаго села *Крылацкаго*, въ сопровожденіи трехъ сыновъ своихъ входитъ въ пріемную ратниковъ. Перекрестясь на образъ Христа Спасителя, онъ сказалъ: «три сына мои и по моему родительскому

благословенію и по благословенію матери своей и по собственной своей охотѣ, вызвались и идутъ на новую службу Царскую. И здѣсь благословляю ихъ на это святое дѣло!»

Къ счастію мнѣ случилось въ это самое время быть въ пріемной ратниковъ. Сказавъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ ревностному крестьянину, я просилъ его обождать меня въ пріемной. Отправясь въ городъ я купилъ цвѣтной кушакъ и шапку и возвратясь въ ратническую пріемную, подалъ купленное Никифорову. «Это куплено, сказалъ я, на деньги Царскіе. Усердію твоему нѣтъ ни какой цѣны. За это награждаетъ одинъ Богъ. А подарокъ останется на память въ семьѣ твоей. Честь и слава и тебѣ и тремъ сынамъ твоимъ; но изъ нихъ только одинъ поступитъ въ ратники ополченія. Нельзя обижать и обходить и другихъ такихъ же молодцовъ и охотниковъ. Поди къ Спаскимъ казармамъ; посмотри, какъ тамъ толпятся на площади и отцы и матери, благословляющіе сыновъ на службу за край родной.

Поди на Дѣвичье поле, гдѣ стоитъ полкъ внутренней стражи, и тамъ дружины охотниковъ.»

Вся Москва, такъ сказать: была ополченіемъ. А для новыхъ ратниковъ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ были шапки съ знаменіемъ Христа Спасителя. Въ этихъ священныхъ шлемахъ, они, какъ будто подростали къ небу; не нужно было возбуждать, сердца ихъ сами порывались подъ хоругви завѣтныя. Въ то же время приходилъ ли кто изъ раненныхъ офицеровъ покупать въ ряды? его зазывали на перехватъ другъ передъ другомъ и когда хотѣлъ расплачиваться за отобраныя вещи, ему говорили: «не возьмемъ ничего; вы за насъ сражаетесь; вы за насъ проливаете кровь: какъ же намъ у васъ что нибудь брать?»

Это сущая правда. И кромѣ подарка крестьянину села *Крылацкаго,* рука моя ни кому ничего не выдавала; деньги лежали, а души дѣйствовали. Я Христіянинъ; я знаю, что за каждое слово, особенно за слова, произнесенныя въ великіе дни

испытанія, отдадимъ отчетъ тогда, когда труба Ангела Божія позоветъ на судъ всемірный, на судъ страшный! Говорятъ, что кто не ознакомился съ бурями морскими, тотъ не знаетъ еще силы молитвы душевной. Мы, люди двѣнадцатаго года, мы жили въ разгромѣ такихъ бурь, какія едва-ли бушуютъ на лицѣ морей и океана; а потому мы испытали и силу молитвы и силу слова Христіанскаго.

И слово Христіанское, облетая души Русскія въ годину нашествія, научало, говоря словами завѣтными: «руки неопытныя на ополченіе и персты на брань.»

Перенеситесь мыслію въ нашъ двѣнадцатый годъ; взгляните на Смоленскую дорогу, посмотрите! что за стройныя ряды, и какъ свободно, и какъ ловко мечутъ они ружьемъ! Вотъ они двинулись, и куда же? на отдыхъ съ ученья? нѣтъ! они двинулись на кровавое, великое ученье; на поле *Бородинское*. И какою радостью сіяютъ ихъ лица, и съ какимъ душевнымъ умиленіемъ каждый рядъ преклоняетъ колѣно передъ Святою Иконою *Иверской*

Божіей Матери, напутствующей ихъ благословеніемъ Своимъ на борьбу за край родной!

Предстоялъ и мнѣ туда слѣдъ. И я, первый ратникъ Московскаго ополченія пріосамился въ ратническихъ доспѣхахъ на пиръ боевой. Но пришла новая воля Государя, повелѣвавшая мнѣ остаться въ Москвѣ для Москвы, до рѣшенія ея судьбы. Грустно было: а все таки предъ словомъ Царскимъ смирилъ мой порывъ богатырскій. А притомъ въ веселомъ разгулѣ юности моей, я ликовалъ въ Москвѣ; какъ же было не дѣлить съ нею горя? не было боя въ Москвѣ: не гремѣли въ ней громы ратные, не сверкали штыки. Но было свое большое дѣло; было дѣло и днемъ и ночью. Не дремала мысль; не было отдыха головѣ. Шла война тихая. Что днемъ учреждалось, то ночью совершалось. Казалось, нѣтъ въ матушкѣ Москвѣ ни какой обороны для встрѣчи двадцати народовъ грознаго нашествія. *Такъ казалось*: а какъ сильно была Москва вооружена и *голодомъ* и *огнемъ*, тлѣвшимся еще подъ пепломъ.

Но ужели *Наполеонъ*; ужели вождь двадцати народовъ, провозглашенный *всезнающимъ* просвѣщенною, ученою Европою, ничего не вѣдалъ? Ничего!

Но не намъ, мимолетнымъ странникамъ въ земной юдоли, не намъ судить того, кого рука Божія на тѣсномъ уголкѣ земли ввела въ колыбель *бѣднякомъ*; не намъ судить того, кто взросъ на *чужихъ хлѣбахъ;* не намъ судить того, у кого сперва не было и шагу поземельной собственности, и передъ кѣмъ въ послѣдствіи преклонили головы цѣлыя Царства земныя; не намъ судить того, кто раздавалъ и отнималъ престолы; не намъ судить того, кто 1792 года уныло скитаясь по улицамъ шумнаго Парижа, не зналъ, гдѣ и къ чему пріютиться, а 1810 тотъ же *бѣднякъ* безпріютный, сталъ зятемъ главы древняго, Державнаго Дома. Не намъ судить того, у кого было то, чего еще никто на землѣ не имѣлъ и о чемъ и во снѣ ни кому не мечталось; имѣлъ то, о чемъ не было говорено, не только въ лѣтописяхъ вѣковыхъ, всемірныхъ, но, скажемъ про-

сто, о чемъ не разглашалось и въ вымыслахъ сказочныхъ.

И есть еще люди, которые говорятъ: «это былъ случай! одинъ случай! Если умъ вашъ такъ затѣйливъ: если онъ творитъ міръ *случаевъ* и владычество *случая:* отмежуйте хотя одну черту отъ *случая человѣка*, слывшаго и бывшаго исполиномъ нашего вѣка. Попытайтесь. Вы видѣли *великаго*. Но вотъ! промелькнулъ годъ, день, часъ! все равно. Время летитъ. Вы видѣли *великаго:* а кто же былъ и *менѣе* и *бѣднѣе* его? Гдѣ его царство? Онъ въ темницѣ; онъ въ заточеніи; цѣлый Океанъ раскинулся между нимъ и прежнимъ его владычествомъ. Вы видѣли *счастливца:* кто же теперь *горестнѣе* его? нищій проходитъ день Божій за хлѣбомъ насущнымъ, возвратясь въ свой пріютъ или отдыхая, гдѣ нибудь подъ угломъ, подкинувъ въ голову сумку свою, спитъ спокойно. Нѣтъ этого сна льготнаго повелителю царствъ и народовъ. Приходитъ ночь; и съ нею приходитъ и новая для него кручина. Темничный его ночлегъ

обхватываетъ вооруженная стража со всѣхъ сторонъ. Какому быть тутъ сну? Гдѣ ему было взять тотъ сладкой сонъ, которой по нашей Русской поговоркѣ: «отца и матери милѣе?» Кудабы небросилъ глазъ—вездѣ стража. Вы видѣли *повелителя* царствъ и народовъ: а теперь—взгляните! онъ хочетъ перешагнуть за лоскутъ земли своего заточенія. Не пускаютъ. Между тѣмъ нищій, бѣднякъ безпріютный, свободно дышутъ тѣмъ воздухомъ, который разливается по пространству небесному. Онъ злополучнѣе ихъ; онъ неможетъ въ широкую грудь свою вдохнуть воздуха въ волю, въ сытость!

Славьте, величайте чудеса *случая!* Кланяйтесь этому слѣпому кумиру; вымаливайте у него не бывалыхъ милостей. Благодареніе Богу! земля Русская сдѣлала свое дѣло. Воздвигнувъ руки, душу и чело къ небесамъ, она и спасеніе и славу свою и жизнь отечества, все отнесла «ко Всевидящему Оку.»

Длань Божія дала Наполеону и царства и силу и умъ; и таже длань, въ свой пре-

допредѣленный часъ, все у него взяла. И онъ, какъ *Іовъ* многострадальный, могъ сказать: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; да будетъ Его воля.»

И онъ на вершинѣ скалы *Еленской* узналъ, постигъ волю Божію; онъ преклонилъ чело, онъ смирился предъ словомъ благодати; онъ увидѣлъ въ немъ ученіе чудесное и царство любви небесной. А когда этотъ свѣтъ Божественный возсіялъ въ очахъ его, тогда онъ пріобрѣлъ то, чего даже и отблеска небыло въ исполинскомъ его владычествѣ; онъ пріобрѣлъ упованіе на ту святую вѣчность, которая выше всѣхъ нашихъ мимолетныхъ земныхъ вѣчностей.

Грѣшатъ проповѣдники случая; грѣшили и наши перья послѣ 1812 года. Грѣшило и очень грѣшило и мое перо. *Наполеона* не стало у насъ, *его* непобѣдимость улеглась на полѣ *Бородинскомъ,* а мы нагрянули *на него* перьями раздраженными. Но что было дѣлать? закипѣли сердца и жалостью и гнѣвною досадою, когда возвратились въ Москву не *бѣлокаменную,* а обгорѣлую

и обожженную. Страшно было взглянуть на почернѣвшіе домы; еще страшнѣе было смотрѣть на померкшее благолѣпіе храмомъ Господнихъ. Все было въ пеплѣ; все было въ могилѣ. А мы все таки не правы были. На то была воля Божія, Онъ Отецъ и караетъ и милуетъ чадъ своихъ. Каждый изъ насъ на своей колеѣ, въ безпечномъ разгулѣ веселья, зазнавался; порывы страстей летѣли на перехватъ другъ передъ другомъ, лакомствъ земныхъ. Москва ликовала; Москва пировала, роскошничала; а бытъ трудовой, бытъ замосковскій отъ этихъ пировъ и роскошей горькія проливалъ слезы. Воззрѣлъ Богъ на землю — и послалъ годину испытанія. Не *онъ* шелъ; воля Божія вела его и вывела изъ блистательныхъ чертоговъ и провела черезъ Европу, славящуюся своимъ умомъ и гдѣ къ полкамъ его, примкнуло девятнадцать ополченій. Громко говорили *ему* въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 года и родные *его* и приближенные: *бѣда идти* въ Россію. Говорилъ и мой Русскій Вѣстникъ еще 1808 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ:

бѣда идти въ Россію! Но что значутъ и голоса и перья человѣческіе передъ всевластнымъ словомъ Божіимъ? Еслибъ останавливалъ *его* и голосъ всей вселенной; онъ и тогда слышалъ бы только волю Того, Кто изъ ничего *его* взялъ и водилъ куда хотѣлъ и какъ хотѣлъ.

Слава милосердію Божію! Не черезъ годы, черезъ два вѣка послалъ Онъ намъ великій, урокъ отеческій! Прислушались ли мы къ этому небесному уроку? Незнаю.

Но если каждый изъ людей Божіихъ, по силѣ и возможности, осушать будетъ слезы горестнаго страдальца; если каждый изъ насъ готовою рукою приподнимать будетъ бѣдняка на тяжеломъ пути нуждъ насущныхъ; если каждый изъ насъ будетъ дышать и жить любовью ко всѣмъ; тогда и Небо весело будетъ смотрѣть на землю.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

СОДЕРЖАНІЕ СТАТЕЙ
второй книжки.